

241 227
140

22

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ГАВРИКОВА Ивана Демьяновича от 2/III-1935 г.

ГАВРИКОВ И.Д., 35 лет, член ВКП/б/ с 1919 г. Имел три партийных взыскания: строгий выговор в 1927 г., на вид в 1932 г. и на вид в 1933 г. Из крестьян, родился в деревне Биково, быв. Дорогобужского уезда, Зап. области. В Красной Армии с 1918 года. В 1923 г. окончил школу ВКП. До ареста нач. химической службы 2-го полка 1-й Пролетарской стрелковой дивизии.

ВОПРОС: При допросе 6/II Вы показали, что в процессе н.-р. разговоров, которые Вы вели с СИНЕЛОВОВИМ, он сообщил Вам об обсуждении группой работников кремлевской комендантуры так называемого "завещания ЛЕНИНА". Расскажите, на каком почве возник у Вас вопрос о "завещании ЛЕНИНА"?

ОТВЕТ: Этот вопрос возник у нас во время XVII съезда партии, когда на квартире у СИНЕЛОВОВА в доме правительства он рассказывал мне о выступлении на съезде быв. лидеров оппозиции — КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА. Я выразил сожаление по поводу того, что КАМЕНЕВ и ЗИНОВЬЕВ, являвшиеся в прошлом на протяжении ряда лет членами ЦК ВКП/б/ и ближайшими помощниками ЛЕНИНА, вынужденно находятся сейчас не у дел, имея все данные к тому, чтобы находиться в составе партийного руководства. СИНЕЛОВОВ, согласившись с моей оценкой роли КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА, рассказал мне, что недавно пом. коменданта Кремля ДОРОШИН давал ему читать "завещание ЛЕНИНА". Передавая мне

содержание этого "заведания", СИНЕЛОВОВ трактовал его в троцкистском духе, отзываясь клеветнически о тов. СТАЛИНЕ. В этой клевете СИНЕЛОВОВ находил подтверждение нашей общей оценке роли КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА.

ВОПРОС: Из Вашего ответа на предыдущий вопрос явствует, что Вы считали необходимым возвращение КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА в состав партийного руководства?

ОТВЕТ: Я считал, что КАМЕНЕВ и ЗИНОВЬЕВ изжили полностью свои прошлые разногласия с партией и своим выступлением на ХУП с"езде еще раз подтвердили это с полной искренностью. Отсюда я делал вывод, что оба они достойны возвращения в состав партийного руководства.

ВОПРОС: Каково было Ваше отношение к троцкистско-зиновьевской оппозиции в период между XIV и XV с"ездами партии?

ОТВЕТ: На всех партийных собраниях я выступал в защиту генеральной линии партии. На самом деле у меня твердых взглядов на роль оппозиции в то время не было. Наоборот, периодически у меня возникали сомнения по поводу тех организационных мероприятий, которые партия применяла в отношении оппозиции. Эти свои сомнения я таил в себе, не стремился разрешить их в беседах с более развитыми товарищами.

ВОПРОС: Рассказывали ли Вы о своих сомнениях на чистке партии в 1929 и 1933 г.г.?

ОТВЕТ: Меня об этом никто не спрашивал, а сам я предпочитал об этом умалчивать.

ВОПРОС: Выходит, что Вы не только умалчивали, но прямо скрывали от партии наличие у Вас в прошлом сомнений по ряду

важнейших вопросов глубоко принципиального характера?

ОТВЕТ: Да, это действительно так и было.

ВОПРОС: Показаниями СИНЕЛОВОВА устанавливается, что Вы совместно с ним вели гнусные клеветнические беседы по поводу внутрипартийного режима. Подтверждаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что разговоры по этому поводу между мною и СИНЕЛОВОВЫМ действительно велись. Точного содержания этих разговоров я не помню.

ВОПРОС: С кем еще, кроме СИНЕЛОВОВА, Вы беседовали по вопросам внутрипартийного режима и о роли КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА в партии?

ОТВЕТ: Кроме СИНЕЛОВОВА я откровенных разговоров по этим вопросам больше ни с кем не вел, считая это опасным. С СИНЕЛОВОВЫМ я поддерживал самые близкие и дружеские отношения. Мы полностью друг другу доверяли, будучи уверенными, что один другого не подведет. В отдельных случаях, когда СИНЕЛОВОВ рассказывал мне что-либо о жизни ответственных работников или передавал то или иное клеветническое измышление, он предупреждал о необходимости сохранить это в секрете и никому не рассказывать.

ВОПРОС: Какие разговоры велись между Вами и СИНЕЛОВОВЫМ по вопросу о колхозном строительстве?

ОТВЕТ: В 1931 г. я ездил в Новоторжский район, Моск. области, для проведения учета свободной рабочей силы в колхозах. Из этой поездки, на основе личных наблюдений и разговоров с местными жителями у меня создалось убеждение, что

политика коллективизации терпит крах, что колхозы разваливаются, а крестьянство голодает. Позднее, в 1932 году в Москву приезжали на сезонные работы колхозники из быв. Дорогобужского уезда, Смоленской губ. — мои земляки, останавливавшиеся у меня на один — два дня на квартире.

Эти колхозники также рассказывали о развале колхозов, что население деревень голодает.

Подобные сообщения передавали мне мой дальний родственник — ЕГНАТЕНК В Филипп, из дер. Войнощины и житель дер. Ивановской — ЕВРАСОВ Григорий, останавливавшиеся временно у меня на квартире.

В разговорах с СИНЕЛОВЫМ я передавал ему о положении в деревне, и оба мы приходили к выводу, что коллективизация доводит деревню до голода.

ВОПРОС: Таким образом, из Ваших ответов на вопросы следствия устанавливается, что у Вас на протяжении длительного периода времени существовала целая система взглядов, враждебных партии и контр-революционных по существу. Признаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Да, признаю.

ВОПРОС: Кто еще разделял эти Ваши взгляды?

ОТВЕТ: Мои антипартийные, контр-революционные взгляды полностью разделял СИНЕЛОВ, с которым я постоянно общался и вел откровенные разговоры на антипартийные темы.

Антипартийные взгляды у меня лично нарастали постепенно. За последние годы я сильно разложился, много пил и утратил

на этой почве силу воли. В феврале 1932 г. я был призван из запаса на службу в Красную армию. Возвращаться на военную службу мне не хотелось, так, как, во-первых, я отстал от его уровня развития командного состава, а, во-вторых- терял материально от перехода с гражданской службы на военную. Это еще более усиливало недовольство военной службой.

За редким исключением, каждый выходной день, а иногда и накануне выходных дней я проводил в обществе СИНЕЛОВСКОГО за бутылкой водки. Пьянствуя, мы вели откровенные антипартийные беседы, постепенно скатываясь в контр-революционное болото. У СИНЕЛОВСКОГО также были демобилизационные настроения и это еще больше нас сближало. Оба мы отрывались от партийной жизни, все более и более замыкались.

Без преувеличения можно сказать, что мы жили двойной жизнью: на службе и в партийной среде выступали сторонниками генеральной линии партии, а оставаясь вдвоем- клеветали на партию и ее руководство. Характер этой клеветы изложен в моих показаниях от 8/II.

ВОПРОС: Укажите, какие цели преследовали Вы, распространяя клевету на партию и ее руководство?

ОТВЕТ: Никаких определенных целей у меня не было.

ВОПРОС: Вы лжете и пытаетесь увильнуть от правдивых ответов на вопросы следствия. Будучи командиром Красной армии Вы прекрасно понимали, что клевета на партию и ее руководство ведут к подрыву их авторитета. Признаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Да, признаю, что подрывал авторитет партии и ее руководства.

ВОПРОС: Для каких целей Вы это делали?

ОТВЕТ: Признаю, что распространение клеветы против партии и ее руководства отражало мои и СИНЕЛОВОВА настроения.

ВОПРОС: Известна ли Вам СИНЕЛОВОВА Клавдия Ивановна?

ОТВЕТ: Да, известна. Она является родной сестрой Алексея СИНЕЛОВОВА и я знаком с ней на протяжении 5-6 лет.

ВОПРОС: Как часто Вы встречались с СИНЕЛОВОВОЙ?

ОТВЕТ: Я встречал ее почти каждый раз на квартире у ее брата - Алексея СИНЕЛОВОВА.

ВОПРОС: В чем выражалось участие Клавдии СИНЕЛОВОВОЙ в Ваших беседах с Алексеем СИНЕЛОВОВЫМ?

ОТВЕТ: Иногда Клавдия СИНЕЛОВОВА присутствовала при моих с Алексеем СИНЕЛОВОВЫМ беседах на антипартийные темы; большей частью мы беседовали с Алексеем СИНЕЛОВОВЫМ наедине.

ВОПРОС: Арестованная по Вашему делу Клавдия СИНЕЛОВОВА показала, что Вы и Алексей СИНЕЛОВОВ проявляли себя в беседах как законченные белогвардейцы и выражали дикую злобу и ненависть против руководителей правительства. Признаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Нет, я отрицаю эти показания СИНЕЛОВОВОЙ.

ВОПРОС: А разве распространение Вами клеветы в отношении руководства партии не является лучшим подтверждением Вашей контр-революционной белогвардейской сущности?

ОТВЕТ: По-моему это свидетельствует о моем разложении как коммуниста.

ВОПРОС: Вы на предыдущих допросах признались, что являлись двурушником и изменником в рядах партии. Сейчас Вы снова пытаетесь увильнуть от прямых ответов на вопросы следствия. Подтверждаете ли Вы, что питали чувство злобы и ненависти в отношении партийного руководства?

ОТВЕТ: Эти чувства не были мне свойственны.

ВОПРОС: Вам зачитывается выдержка из показаний Алексея СИНЕЛОВОВА от 24 февраля: "ГАВРИКОВ настроен озлобленно, эти настроения носят довольно устойчивый характер".

Признаете ли Вы, что питали настроения озлобленности?

ОТВЕТ: Нет, я это отрицаю.

ВОПРОС: Вы отрицаете обстоятельства, установленные материалами следствия и показаниями СИНЕЛОВОВА А.И. и СИНЕЛОВОВОЙ К.И., в обществе которых Вы постоянно проводили время. Еще раз предлагается Вам дать искренний ответ по вопросу о Ваших настроениях.

ОТВЕТ: Допускаю, что на основе моих разговоров о СИНЕЛОВОВЫХ о неудовлетворенности моим личным положением и отрицательной оценки политики коллективизации, он мог прийти к выводу о наличии у меня озлобленности в отношении партийного руководства.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

И. ГАВРИКОВ.

ДОПРОСИЛИ: ПОМ НАЧ ОО ГЛТБ ГЕНДИН.

ЗАМ НАЧ 7 ОТДЕЛЕНИЯ ОО ГЛТБ - ПАССОВ.

Верно: *Мих. Генин*